Т. И. Ойзерман

Основные ступени ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Серия II
№ 33

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ"
1957

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор философских наук
профессор
Т. И. ОЙЗЕРМАН

ОСНОВНЫЕ СТУПЕНИ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва ★ 1957

В брошюре раскрываются основные положения теории познания диалектического материализма. Показываются роль практики как основы познания, чувственное отражение действительности и рациональное познание.

СОДЕРЖАНИЕ

Автор
Теодор Ильич Ойзерман

Редактор **Л. А. Завелев**
Техн. редактор **М. И. Губин**
Корректор **В. Г. Анохин**

А 06885. Подписано к печати 13/XI 1957 г. Тираж 98500 экз. Изд. № 248.
Бумага 60 × 92 1/16—1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. 3,12 л. Заказ 2719.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Практика — основа познания

Изучение, познание окружающей действительности является насущно необходимой жизненно важной потребностью общества. В. И. Ленин писал, что человек не мог бы даже биологически приспособиться к окружающей среде, если бы его сознание не давало о ней более или менее правильного представления. Но человек не только биологически приспособлен к природным условиям своего существования, он сознательно преобразует эти условия. А для этого тем более необходимо знание сущности природных явлений, изучение ее законов. Столь же необходимо знание законов общественной жизни, для того чтобы успешно, сознательно, в интересах миллионных трудящихся масс осуществлять преобразование общественных отношений. Диалектический материализм рассматривает познание как отражение окружающей нас действительности в сознании людей. Именно поэтому марксистско-ленинская теория познания называется теорией отражения. Основными формами отражения мира в сознании людей являются чувственные восприятия и мышление. Теория познания диалектического материализма изучает переход от незнания к знанию, развитие познания от чувственного отражения внешнего мира к более высокой ступени познания — научному, теоретическому мышлению.

«Марксизм-ленинизм,— указывает тов. Мао Цзэ-дун — считает, что отличительные черты двух ступеней процесса познания состоят в том, что на низшей ступени познание выступает как чувственное познание, а на высшей ступени оно выступает как логическое познание, однако обе эти ступени представляют собой ступени единого процесса познания» [1].

Изучение основных ступеней процесса познания — чувственной и логической—является одной из наиболее важных задач марксистско-ленинской теории познания. Правильное понимание процесса познания необходимо не только ученому, исследователю, открывающему новые закономерности или

---

[1] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения в четырех томах, т. I, стр. 511.

свойства явлений природы и общества, но и всякому образованному человеку, изучающему данные науки и применяющему эти данные в своей практической работе.

Диалектический материализм показал, что процесс познания является весьма сложным противоречивым процессом, неразрывно связанным с материальной деятельностью людей — практикой. Знания не рождаются в голове человека сами собой. Они приобретаются в процессе практической деятельности. Что бы люди знали о свойствах почвы, о различных растениях и животных, если бы они не возделывали земли, не культивировали растений, не приручали животных? Что бы знали люди о различных ископаемых богатствах земли, если б они не выплавляли железо, медь, алюминий и другие металлы, не пользовались углем и нефтью в качестве топлива?

Труд, материальное производство является основной, решающей формой практической деятельности людей, которая составляет в свою очередь основу процесса познания, т. е. основу чувственного и логического отражения мира.

Но материальное производство хотя и главная, но, конечно, не единственная форма практической деятельности людей. Ведь люди изменяют не только природу, но и общественную жизнь, материальную жизнь общества.

Участие людей в общественно-политической жизни, борьба классов, социальные революции, национально-освободительное движение угнетенных империализмом народов, великое, охватывающее все страны мира движение сторонников мира, — все это также практическая деятельность людей.

А разве при научном исследовании не имеет места практическая деятельность? Ленин указывал, что астрономические наблюдения представляют собой практическую деятельность, в ходе которой проверяются теоретические расчеты. Путешествия, геологические поиски, изучение с помощью особых летательных аппаратов верхних слоев атмосферы, бурение земли для изучения расположения грунтовых вод, дрейф на льдине с научными целями, химический анализ или синтез вещества, различные эксперименты, дегустация продуктов питания — все это многообразные формы практической деятельности людей. Никакая духовная деятельность невозможна без определенных материальных средств и условий. Значит, всякая духовная деятельность неразрывно связана с практикой, неотделима от нее.

Если ученый, например, ставит эксперимент, пользуется химическим реактивом, измерительными приборами, то он, следовательно, совершает определенные практические действия.

Диалектический материализм решительно враждебен идеалистическим теориям, противопоставляющим познание

как духовный процесс практике, как материальной деятельности. Сознание неотделимо от материи, и духовная деятельность человека неотделима от его материальной, практической деятельности. Идеалистические утверждения о независимости познания от практики не выдерживают критики. Познание происходит не в безвоздушном пространстве, а на земле. Познание связано с определенными материальными условиями, в которых находится человек, с материальными средствами, которыми он располагает, с практическими задачами, ради которых в конечном итоге происходит познание.

Материальная жизнь людей ставит перед наукой, перед познанием определенные задачи, разрешение которых необходимо для дальнейшего развития производства. И она же создает материальные возможности для решения поставленных ею задач. Первобытный человек не интересовался вопросами, которые привлекают пристальное внимание современного человека, потому что материальные условия жизни первобытного общества еще не выдвигали этих вопросов и не давали средств для их решения. Только на определенном уровне развития производства могла встать, например, такая практическая задача, как превращение одних химических элементов в другие, и только тогда, когда возникла такая практическая задача, наука стала ее решать. Общеизвестно, что геометрия возникла в связи с потребностью измерять земельные площади, а главной причиной возникновения астрономии была необходимость точного определения времени и местонахождения кораблей в море. Механика началась как наука благодаря строительству различных сооружений и созданию машин. Или, возьмем, к примеру такую отрасль знания, как химия нефти. Она начала развиваться лишь после того, как нефть стала необходимым для промышленности и особенно для транспорта топливом. Аэродинамика, как наука, развилась главным образом на основе практических успехов авиации, для развития которой эта наука в свою очередь имеет громадное значение.

Нетрудно показать, что практика, прежде всего производственная деятельность людей, не только ставит перед наукой все более сложные задачи, но и создает специальные средства, позволяющие решать эти задачи. Ученые в наши дни пользуются оптическими и электронными микроскопами, телескопами, измерительными приборами, химическими реактивами, спектроскопами, различными радиотелемеханическими устройствами, циклотронами и так далее. Совершенно ясно, что такие материальные орудия познания возникают на определенных этапах развития общественного производства. И каждое из этих орудий познания становится материально-технической, практической основой для дальнейшего разви-

тия науки, открывает перед ней ранее неизвестные области, раздвигает границы познания. Так, например, электронный микроскоп дал возможность наблюдать вирусы, спектроскоп стал орудием исследования химического состава звезд, радио открыло невиданные перспективы перед астрономией и т. д.

Практика не только выделяет, указывает те явления, изучение которых необходимо для общества, не только направляет на эти явления внимание ученых и вооружает их необходимыми материальными средствами. Практика изменяет окружающие предметы и тем самым открывает для познания те их стороны, которые до этого были неизвестны человеку и поэтому вообще не могли быть предметом изучения. Человек плавит металлы, создает сплавы, отливает предметы, кует, штампует, прокатывает металл — все это позволяет обнаружить не известные ранее стороны, свойства металлов и является вместе с тем началом изучения этих сторон и свойств.

В ходе развития материального производства люди, преобразуя природу, создают тем самым такие вещества, такие предметы, которые сами по себе в природе не существуют. Природа не создает паровозов, автоматических станков, так же как не создает она сама по себе, без человека музыкальные инструменты, книги, жилища, шоссейные дороги, некоторые продукты питания, некоторые вещества, например пластмассы, и тому подобное. Но создавая все эти предметы, сами по себе, в природе не существующие и составляющие, как говорил Горький, «вторую природу», человек тем самым создает и новые объекты для познания. Эти объекты не существовали до возникновения человека. С развитием общества количество таких предметов, созданных человеческой практикой, непрерывно возрастает. На этой основе появляются науки, которые занимаются изучением процессов и явлений, создаваемых самими людьми благодаря практическому использованию законов природы. Таковы, например, машиноведение, строительная механика, товароведение, фотохимия и так далее. Само собой разумеется, что все эти науки изучают объективные закономерности, существующие вне и независимо от сознания людей. Но вместе с тем эти науки изучают действие законов природы в созданных людьми предметах. И здесь, следовательно, мы видим, что практика выступает как основа развития человеческих знаний.

Наука подытоживает человеческую практику, опыт производства, обобщает данные практики, анализирует их, сопоставляет друг с другом, открывая на этой основе законы, знание которых помогает практике в решении стоящих перед ней задач.

Известно, что теория паровой машины (цикл Карно)

была создана лишь после того, как паровые машины были уже изобретены и введены в производство. Однако лишь благодаря научной разработке принципов паровой машины стало возможным дальнейшее ее совершенствование, а также изобретение ряда новых машин — двигателей внутреннего сгорания, паровых турбин и так далее. Основанная на данных практики, теория паровой машины сделала возможным такое могущественное развитие этого средства производства, которое было бы немыслимо, если бы строители паровых машин исходили только из стихийно накопленного опыта, не обобщенного наукой. Подчеркивая неразрывную связь между развитием науки и теоретическим обобщением опыта производства, не следует, однако, представлять себе эту связь в упрощенной форме. Производство атомной энергии развернулось благодаря научному исследованию внутриатомных процессов. На первый взгляд может показаться, что наука здесь не исходит из практики, а, наоборот, практика имеет своей основой научную теорию. В действительности же дело обстояло несравненно сложнее. Обнаружение радиоактивного распада было, как известно, результатом специального (с помощью фотографии) наблюдения, дополненного многочисленными экспериментами. Так же практически исследовались альфа, гамма и бета лучи, в результате чего была затем создана электронная теория материи. С помощью многообразных могущественных технических средств осуществляется расщепление атомного ядра, превращение одних элементов в другие и т. д. И только на этой практической основе происходило и происходит развитие определенных физических и математических концепций, которые в свою очередь оказывают громадное воздействие на экспериментальную, научно-исследовательскую практику. Следовательно, и здесь, в исследовании внутриатомных процессов, исходным пунктом и основой познания являлась (и поныне является) практика.

Не только науки о природе, но и науки об обществе имеют своей основой практику. Это особенно ярко видно на примере марксистско-ленинской теории, которая сознательно исходит из данных практики, обобщает эти данные и благодаря этому открывает законы развития общества, научно предвидит ход событий, указывает трудящимся пути и средства их социального освобождения.

Подытожив двухвековое развитие капиталистического общества, Маркс и Энгельс создали свое экономическое учение о законах возникновения, развития и гибели капиталистического строя, обосновали объективную необходимость, неизбежность социализма. Теоретически подытожив опыт буржуазно-демократических революций 1848 года, Маркс и Энгельс пришли к гениальному выводу о необходимости слома буржуазной государственной машины; на основе

опыта Парижской коммуны они вскрыли необходимость замены буржуазного государственного аппарата новым, пролетарским аппаратом государственной власти.

В. И. Ленин в новых исторических условиях всесторонне развил марксизм. Так, опираясь на опыт двух русских революций, Ленин открыл в 1917 году Советскую власть, как государственную форму диктатуры рабочего класса, наиболее соответствующую конкретным историческим условиям социалистического строительства в то время. Опыт народно-демократических революций в странах Европы и Азии явился основой для открытия новой государственной формы диктатуры рабочего класса — народной демократии.

XX съезд Коммунистической партии, подытоживая опыт, практику общественного развития за последние десятилетия, в особенности же за период после второй мировой войны, развил и конкретизировал важнейшие теоретические положения — о возможности мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху, о возможности мирного осуществления революционных социалистических преобразований.

Совершенно очевидно, что теоретические выводы, сформулированные XX съездом партии, имеют своей основой реальную общественную практику, опыт борьбы народов Китая, Чехословакии и других стран за установление народно-демократического строя, выдающиеся достижения мирового движения сторонников мира. Что же касается теоретических положений, имеющихся по этим вопросам в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, то они явились руководящими указаниями для теоретического обобщения новых данных исторического развития.

На этих примерах наглядно обнаруживается, что Коммунистическая партия Советского Союза во всей своей деятельности руководствуется положением диалектического материализма о роли практики, как основы познания. Единство теории (познания) и практики является высшим руководящим принципом политики нашей партии. КПСС непримиримо враждебна догматизму, начетничеству, не видящему связи теоретических положений с определенными историческими условиями, извращающему эти теоретические положения и тем самым изменяющему марксизму-ленинизму. Июньский Пленум ЦК КПСС единодушно осудил антипартийную, оторвавшуюся от жизни, от народа группу Маленкова, Кагановича, Молотова, которая пыталась свернуть партию и весь советский народ с пути, намеченного историческими решениями XX съезда КПСС. Решение июньского Пленума ЦК КПСС наглядно говорят о необходимости теснейшей связи марксистско-ленинской теории с практикой социали-

стического строительства, о необходимости неустанной борьбы против догматизма, который не видит нового, не понимает его значения, препятствует развитию марксистско-ленинской теории и решению назревших практических задач.

Итак, познание, как об этом свидетельствует вся история наук о природе и обществе, развивается на основе практики. Практика есть материальная деятельность людей, сознательно и целесообразно направленная на изменение природы и общества с помощью определенных материальных средств — орудий труда, орудий познания, общественных учреждений и организаций. «Точка зрения жизни, практики должна быть, — говорит В. И. Ленин, — первой и основной точкой зрения теории познания»[1]. Диалектико-материалистическое понимание роли практики, как основы познания, качественно отличает марксистско-ленинскую теорию познания от учения домарксовских материалистов. Домарксовские материалисты правильно рассматривали познание, как отражение внешнего, материального мира. Они также правильно указывали на основные ступени процесса познания — чувственные восприятия и мышление. Однако вследствие метафизической ограниченности эти материалисты не сумели применить диалектики к теории отражения. Поэтому, в частности, они не смогли понять диалектической связи между познанием и практическим изменением мира.

Познание, говорили домарксовские материалисты, невозможно без воздействия предметов внешнего мира на наши органы чувств, без чувственного восприятия этих предметов. Но отсюда вовсе не следует, как обычно утверждали домарксовские материалисты, что чувственные восприятия образуют основу познания мира. Как уже говорилось выше (на этом же мы специально остановимся в следующем разделе лекции), чувственное отражение действительности так же как и мышление осуществляется на базе практики. Этого то и не видели домарксовские метафизические материалисты, которые полагали, что человек познает окружающие предметы просто потому, что он их видит, слышит, осязает и т. д. Если ограничиваться одним лишь этим утверждением, то нельзя тогда объяснить, почему среди многочисленных видимых, слышимых, осязаемых предметов внешнего мира именно данные, определенные предметы становятся объектами изучения, почему люди сначала изучают одни, а затем другие чувственно воспринимаемые вещи? На эти вопросы может дать ответ лишь научное понимание практики как основы познания. Но этого, как раз и не понимали домарксовские материалисты, и этот недостаток их учения о познании Маркс называл созерцательностью.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 130.

Однако не следует представлять дело так, будто домарксовские материалисты не замечали того, что люди сознательно изменяют природу, овладевают ее стихийными силами. Напротив, они обычно считали задачей науки овладение стихийными силами природы. Но беда этих материалистов заключалась в том, что познание они рассматривали лишь как результат воздействия предметов природы на человека, игнорируя познавательное значение воздействия человека на предметы природы. Они метафизически отделяли познание от практического изменения мира, ограничиваясь лишь указанием на значение теории для практики и явно недооценивая значения практики для теории. Кроме того, домарксовские материалисты обычно очень узко понимали практику, сводя ее к эксперименту, опыту.

В отличие от метафизического материализма, некоторые представители идеалистической философии, как подчеркивает Маркс, указывали, правда, в абстрактной, мистифицированной форме, на субъективную, деятельную сторону познания. Так, например, Гегель правильно отмечал, что познание не есть простое созерцание, пассивное восприятие предметов: «Чтобы узнать, что в вещах истинно, одного лишь внимания недостаточно — для этого необходима наша субъективная деятельность, преобразующая непосредственно существующее» [1].

Гегель и другие идеалисты, стремясь дискредитировать материализм, пытались доказать, что созерцательность в теории познания неотделима от материалистической теории отражения. На деле же созерцательность домарксовского материализма объяснялась его метафизичностью, а попытки Гегеля преодолеть эту созерцательность были связаны главным образом с его диалектическим подходом к процессу познания. Диалектический материализм, полностью покончив с метафизической ограниченностью старого материализма, с идеалистическим пониманием истории, создал диалектико-материалистическую теорию отражения, свободную от недостатков, которые были свойственны старому материализму.

Подвергнув всесторонней материалистической критике идеалистическую философию Гегеля, Маркс и Энгельс выделили рациональные диалектические моменты, имевшиеся в гегелевском учении о познании, и использовали их при создании своей диалектико-материалистической теории познания. Развивая философию марксизма в новых исторических условиях, В. И. Ленин развил и обогатил марксистскую теорию познания на основе новых данных науки и практики.

Подчеркивая величайшее значение общественной практики, как исходного пункта и основы познания, диалектический материализм глубоко враждебен вульгаризаторскому принижению теории, забвению ее способности далеко опережать прак-

---

[1] Гегель. Соч., т. 1, стр. 50.

тику. Единство теории и практики — высший принцип марксистско-ленинской науки — исключает как сведение теории к практике, так и сведение практики к теории.

Говоря о практике, как основе познания, диалектический материализм далек от непосредственного выведения каждого теоретического положения из практики. Так, Маркс и Энгельс свыше 100 лет назад сформулировали важнейшие теоретические положения о неизбежности социалистической революции, диктатуры пролетариата, уничтожения эксплуататорских классов, коммунистического преобразования общества, хотя, конечно, в те времена еще не было диктатуры рабочего класса, и пролетарская революция непосредственно не была практической неизбежностью. Значит, эти важнейшие теоретические выводы были сделаны не на опыте социалистической революции, диктатуры пролетариата, строительства коммунизма, а путем теоретического обобщения опыта исторического развития капитализма, буржуазных революций и практики рабочего движения, путем критического теоретического анализа противоречий буржуазного развития.

Отсюда ясно, что нельзя толковать диалектико-материалистическую оценку познавательного значения практики в духе узколобого эмпиризма, фактически отрицающего возможность теоретического, логического развития научных положений. Связь познания с его материальной основой — практической деятельностью людей носит весьма сложный, опосредствованный противоречивый характер. С точки зрения диалектического материализма, познание, а следовательно, и наука не являются только средством для достижения определенных практических целей; оно является высшим проявлением духовной жизни, жизнедеятельности индивида и общества в целом.

Глубочайшее удовлетворение, даваемое познанием, интеллектуальная жажда знаний, бескорыстное стремление к истине и даже самопожертвование ученого ради достижения истины — все это вполне признает диалектический материализм. Но признание величайшего духовного, облагораживающего значения познания отнюдь не связано (как это пытаются доказывать идеалисты) с отрицанием его практической основы. Ведь только благодаря общественному разделению труда (и значит, на определенной материальной основе) научные занятия выделились в особый вид трудовой деятельности, и, следовательно, только на этой основе стал возможен духовный подвиг ученого.

История науки с неоспоримой очевидностью свидетельствует о том, что борьба науки за истину, против мракобесия неразрывно связана с прогрессивными общественными движениями и глубокими социальными сдвигами в материальной жизни общества. Достаточно вспомнить великих деятелей науки, смело выступивших против духовной диктатуры церкви

на заре капиталистического развития — Д. Бруно, Г. Галилея, Н. Коперника.

История марксизма с такой же неоспоримой очевидностью говорит о том, что в наше время бескорыстное стремление к истине, величайший научный энтузиазм и готовность к самопожертвованию ради достижения истины неразрывно связаны с освободительным движением рабочего класса, с величайшей и благороднейшей практической деятельностью по социалистическому просвещению и организации трудящихся. И это вновь подтверждает коренные положения марксистско-ленинской гносеологии о значении практики, как основы процесса познания.

Чувственное отражение внешнего мира — первая ступень познания

Чувственное отражение внешнего мира — источник всех человеческих знаний

Теория познания диалектического материализма носит сенсуалистический характер. Диалектический материализм учит, что источником всех наших знаний является чувственное восприятие внешнего материального мира, отвергая учение рационализма о том, что разум является независимой от чувственности способностью познания. В этом смысле диалектический материализм исторически примыкает к сенсуалистической теории познания домарксовского материализма, наиболее ярким представителем которой был Л. Фейербах. «Иначе, как через ощущения,— указывает В. И. Ленин,— мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем...» [1]. Но диалектико-материалистический сенсуализм качественно отличается от сенсуалистического учения метафизического материализма, который, как уже указывалось выше, не понимал роли практики в чувственном восприятии внешнего мира и недооценивал качественного своеобразия абстрактного теоретического мышления, как более высокой (по сравнению с чувственным восприятием) ступени познания.

Отвергая свойственное рационализму пренебрежение к чувственным данным, диалектический материализм положительно оценивает рационалистическую идею о беспредельной познавательной мощи человеческого разума, о качественном отличии мышления от чувственных восприятий внешнего мира. Поэтому диалектико-материалистическая разработка сенсуалистической теории включает в себя также критическое усвоение и использование прогрессивных идей рационализма XVII—XVIII веков. Это диалектико-материалистическое отношение к рационалистической философской традиции в корне отличает

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 288.

марксистско-ленинскую теорию познания от философских учений о познании, господствующих в современном буржуазном обществе. Эти учения, как правило, носят резко выраженный иррационалистический характер.

Противники сенсуалистической теории познания, пытаясь опровергнуть положение о происхождении всех наших знаний из чувственного восприятия внешнего мира, указывают обычно на тот факт, что сама способность чувственного восприятия физиологически ограничена. Но если наши органы чувств не могут воспринимать все существующее, не следует ли отсюда, что чувственность не является источником всех наших знаний о внешнем мире? Не следует ли также отсюда, что признание единственным источником наших знаний о внешнем мире чувственных восприятий ограничивает тем самым пределы познания в духе агностицизма? Ведь если нет непознаваемых вещей, то не должно быть в таком случае и объектов принципиально недоступных чувственному восприятию?

Домарксовский материализм не мог дать правильного ответа на все эти вопросы. Гельвеций, например, утверждал, что человеческие знания тем глубже и обширнее, чем острее чувственные восприятия. Д. Дидро справедливо возражал Гельвецию, указывая, что хотя у орла зрение острее, чем у человека, а у собаки более острый нюх, человек знает больше явлений, чем эти животные. И это возможно потому, утверждал Дидро, что человек, в отличие от животных, обладает разумом. Однако само по себе наличие разума нисколько не объясняет, почему человек видит больше предметов, чем орел, обладающий большей остротой зрения. Только благодаря многообразной практической деятельности людей на всем протяжении исторического развития человечества стало возможным это превосходство человека над животным в области чувственного отражения внешнего мира.

Домарксовский материализм метафизически понимал физиологическую ограниченность человеческих органов чувств. Только диалектический материализм, опираясь на данные физиологии органов чувств и истории познания, доказал, что физиологическая ограниченность чувственного восприятия не является неодолимой преградой для бесконечного прогресса человеческих знаний, для познания любого предмета.

Человек обладает органами зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса не в силу какой-то субъективной, ему одному лишь присущей особенности, а благодаря исторически развившемуся приспособлению живых организмов к среде. Первой ступенью такого приспособления было возникновение осязания, свойственного уже весьма примитивным животным организмам; дальнейший исторически прогрессирующий процесс приспособления привел к возникновению и других более сложных органов чувств, в частности, и таких, которые способны

воспринимать предметы внешнего мира без непосредственного соприкосновения с ними. Растения и простейшие животные специфическим образом реагируют на свет. Подсолнечник поворачивается к солнцу. Если бы не существовало световых волн, объективным проявлением которых являются различные цвета, не было бы и зрения. Существование различных световых волн и соответствующих им цветов — исторически исходный пункт развития зрения. И если палочки сетчатки дают ощущения ахроматических цветов, а колбочки — ощущения хроматических цветов, то это происходит потому, что все эти цвета (и образующие их световые волны) существуют объективно: они-то и вызвали в ходе исторического развития живых организмов образование этих палочек и колбочек, как специфических аппаратов отражения цвета. Определенные свойства предметов вызвали также органы обоняния и вкуса.

Таким образом, исторический процесс приспособления и естественного отбора животных организмов в окружающей, качественно многообразной среде привел к развитию и совершенствованию чувственного отражения внешнего мира, как необходимого условия существования животных. Органы чувств, свойственные человеку, являются новой, более высокой ступенью развития аналогичных органов, присущих животным. «*Образование* пяти чувств, это,— говорит Маркс,— продукт всей всемирной истории» [1].

Конечно, у человека зрение, слух, обоняние и другие органы чувств не столь остры, как у многих животных. Но именно это обстоятельство, как это ни парадоксально на первый взгляд, делает возможным всестороннее развитие чувственных восприятий, а также и умственных способностей. Если бы человек обладал орлиной остротой зрения, он не различал бы такого большого количества цветных тонов, так как одностороннее, усиленное развитие одной из чувственных способностей делает эту способность восприятия узко специализированной. Отсюда следует, что физиологическая ограниченность органов чувств является своеобразной формой приспособления организма к окружающей среде. Глаз, который бы воспринимал все световые волны, не видел бы, как указывает Энгельс, ничего.

Но если все же человеческие органы чувств не способны воспринимать определенные явления природы, не следует ли отсюда, что знания об этих явлениях не имеют своим источником чувственные восприятия? Если мы не видим инфракрасные лучи, то какое основание имеется для утверждения, что эти лучи познаются благодаря чувственному восприятию внешнего мира? Противники сенсуализма пытаются доказать, что положение об эмпирическом происхождении наших зна-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 627.

ний относится лишь к предметам, непосредственно чувственно воспринимаемым. Но это, конечно, совершенно неправильно. История науки постоянно свидетельствует о том, что на основании имеющихся у человека чувственных данных возможно успешное исследование чувственно ненаблюдаемых явлений. Так, например, различные вирусы были обстоятельно изучены и даже приблизительно измерены задолго до того, как они впервые были увидены с помощью электронного микроскопа. Конечно, чувственные наблюдения и опыты по заражению животных и растений определенными болезнями непосредственно не указывали на существование мельчайших болезнетворных начал — вирусов. Однако эти наблюдения и опыты послужили основой для гипотезы о существовании вирусов. Впоследствии эта гипотеза получила непосредственное подтверждение благодаря электронному микроскопу, дающему увеличение более чем в 100 тысяч раз. Таким образом, только крайне упрощенное понимание сенсуализма может привести к выводу, что мы познаем лишь то, что непосредственно видим, слышим, осязаем.

С точки зрения диалектического материализма, ограниченность органов чувств носит относительный характер, поскольку она в определенной мере преодолевается историческим развитием, общественной практикой и созданными на ее основе орудиями познания. У человека, нет, например, органа для восприятия электромагнитных волн, но человек воспринимает эти волны с помощью специальных приборов и аппаратов; благодаря этому мы можем слышать и видеть на громадном расстоянии. Микроскоп, телескоп, радио, телевидение и множество других технических средств расширяют сферу чувственного восприятия и не только усиливают имеющиеся у нас органы чувств, но и являются своеобразными новыми органами восприятия, ранее не существовавшими у человека. Таким образом, благодаря общественной практике сфера чувственного познания безгранично расширяется и это качественно отличает человеческие чувственные восприятия от аналогичных восприятий животных.

Так, например, человек не просто, подобно животному, воспринимает световые лучи, но с помощью определенных приборов и других материальных средств измеряет силу света, его влияние на различные химические соединения, животные и растительные ткани, пропускает свет через оптические стекла, кристаллы, дифракционные решетки, измеряет давление света на предметы, поглощение или отражение света поверхностями, различные виды излучения света, превращает световую энергию в тепловую, электрическую и т. д. Все это позволяет человеку чувственным образом познать многообразные свойства света, как специфической невещественной формы существования материи.

Связь чувственного отражения действительности с общест-

венной практикой является важнейшим моментом, характеризующим специфический, человеческий характер чувственного восприятия внешнего мира. Благодаря практике и созданным ею материальным средствам чувственные восприятия, свойственные индивидам, сопоставляются друг с другом, накапливаются, суммируются, воплощаются в языке, в чувственно воспринимаемых предметах, созданных или преобразованных человеком, в произведениях искусства, в развитии духовной жизни человека. Это-то и называется чувственным опытом людей, который является, строго говоря, источником всех человеческих знаний о внешнем мире и о самом человеке.

Но и чувственный опыт, безграничный потенциально, исторически ограничен на каждом этапе общественного развития, и эта ограниченность преодолевается лишь последующим общественным развитием. И если сто лет назад мы не могли обладать теми знаниями, которыми мы обладаем теперь, то и наши возможности чувственного отражения внешнего мира ныне стали несравненно большими, чем в середине прошлого века. Так, например, вооруженный киноаппаратом глаз человека XX века наблюдает такие процессы, о которых раньше можно было разве лишь догадываться.

Представьте себе следующий опыт. Мы стреляем из пистолета в стекло, находящееся от нас на расстоянии 10 метров. В это время пространство, которое должна пролететь пуля, и стекло, которое она разобьет, фотографируются со скоростью 3 тысяч кадров в секунду. Затем кинолента демонстрируется с обычной в кино скоростью, скажем, 24 кадра в секунду. В таком случае мы увидим пулю, летящую в воздухе, проследим весь ее путь. Вот она подлетает к стеклу; она еще не коснулась стекла, но в нем уже образовалась круглая дырка, пробитая воздухом, который пуля толкает перед собой. В это «заранее» подготовленное отверстие пуля и входит; мы видим, как, пройдя его, она летит дальше. И когда она удалится на некоторое расстояние от стекла, последнее рассыпается на куски, под воздействием воздушного вихря, образованного движением пули. На этом примере обнаруживаются безграничные возможности чувственного восприятия внешнего мира, поскольку чувственное восприятие связано с практикой, основывается на ее достижениях.

Итак, способность чувственного отражения мира человеком и ограничена и безгранична; как и все на свете, она исторически развивается, будучи органически связана с практической деятельностью людей, ее орудиями и результатами. Человек познает с помощью органов чувств не только то, что является объектом непосредственного чувственного восприятия, но и то, что непосредственно не воспринимается чувственным образом, например, прошлое или будущее. Не существует прямой зависимости между силой, остротой, обширностью чувст-

венного восприятия и объемом достигаемых на этой чувственной основе теоретических знаний. Что же касается противоречия между природной, физиологической ограниченностью человеческих органов чувств и беспредельностью человеческого познания, то это противоречие разрешается в ходе исторического развития общественной жизни. Все это полностью подтверждает чувственное происхождение всех наших знаний.

Основные формы чувственного отражения объективной реальности

Основными формами чувственного отражения действительности являются ощущения, восприятия, представления, специальным изучением которых занимается физиология высшей нервной деятельности и психология. Диалектический материализм рассматривает ощущения, восприятия, представления, как определенные ступени познания действительности и специфические формы знания о предметах внешнего мира.

Ощущения являются первой, элементарной формой чувственного познания внешнего мира. Они отражают отдельные стороны, качества, свойства предметов. Так, механические свойства тел отражаются осязанием, химические свойства являются предметом обоняния и вкуса, звуковые колебания молекул воздуха воспринимаются слухом.

Таким образом, каждый из органов чувств отражает не все чувственно воспринимаемые качества предметов, а лишь некоторые из них. Цвет не может быть предметом осязания, звуки не воспринимаются зрением, форма предметов не отражается обонянием, вкусом, слухом. Специализация органов чувств является результатом длительного исторического процесса приспособления живого организма к окружающей среде. Благодаря этой специализации развивается способность правильного отражения качественного многообразия предметов. В этом смысле функциональная система отражения внешнего мира органами чувств характеризуется физиологическим учением И. П. Павлова, как система анализаторов, складывающихся из рецепторной части (непосредственно воспринимающей воздействие предметов, проводников, передающих раздражения коре головного мозга, и центрального отдела в головном мозгу, управляющего периферическими рецепторами).

«Нервная система является целой коллекцией таких анализаторов,— говорит И. П. Павлов.— Возьмите ретину, она выделяет из природы колебания световые; возьмите акустический отдел уха, он выделяет колебания воздуха, и т. д. В свою очередь каждый из этих анализаторов в своей области продолжает это деление без конца на отдельные элементы. Мы своими ушными анализаторами делим тона по длине волны, по высоте волны, по форме» [1].

[1] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. I, стр. 332. Изд-во АН СССР. 1951.

Таким образом, ощущения дают нам дифференцированное отображение действительности, соответственно дифференциации качеств, которая реально, объективно существует вне нашего сознания. Однако различия между качествами, отображаемыми в ощущениях, не абсолютны, а относительны, ибо различные формы движения материи друг с другом связаны, превращаются друг в друга. Механические, физические, химические свойства вещей обусловливают друг друга. Поэтому и ощущения, при всей своей специфичности, в определенной, объективно обусловленной степени отражают одно и то же содержание и, следовательно, могут быть сравниваемы друг с другом. Так, форма предмета отображается не только зрением, но и осязанием, причем в ряде случаев осязание подтверждает или, напротив, опровергает зрительное восприятие. Осязание и зрение взаимно дополняют и проверяют друг друга. Подобное же отношение имеет место между обонянием и вкусом. Отсюда следует, что качественное разграничение чувственных восприятий не дает основания для противопоставления их друг другу, для вывода об их принципиальной несравнимости. Такой вывод, без достаточных оснований, часто делают агностики и субъективисты. В противовес этому Энгельс писал: «Давно уже признано, что обоняние и вкус являются родственными, однородными чувствами, воспринимающими однородные, если не тождественные, свойства... Осязание и зрение до такой степени взаимно дополняют друг друга, что мы часто на основании зрительного облика какой-нибудь вещи можем предсказать ее тактильные свойства» [1].

Следует отметить, что реальная связь, взаимодействие, согласованность обнаруживаются не непосредственно при сравнении одних ощущений с другими, а в процессе отражения предметов, процессов окружающей действительности. Так, лишь определенное объективно обусловленное сочетание зрительных, слуховых, осязательных и, в некоторой мере, обонятельных ощущений убеждает нас в том, что мы чувственно воспринимаем находящееся перед нами животное, например собаку, а не картину, чучело или скульптурное изображение собаки. С другой стороны, там, где органы чувств направлены на уже известные нам предметы, достаточно, например, одного только обоняния, чтобы отличить живые цветы от искусственных. Но отсюда следует, что чувственное отражение внешнего мира не сводится лишь к анализу раздражений, т. е. отражению отдельных сторон, качеств, свойств. В процессе чувственного познания действительности осуществляется вместе с тем синтез раздражений, объединение ранее разграниченного, раздельно отображенного или, иначе говоря, отображение предмета как

---

[1] Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 185. Госполитиздат. 1955.

целого с характерным для него единством определенных качеств и свойств. Это целостное отображение предметов и процессов и есть восприятие, которое, в отличие от ощущения, представляет собой результат совокупной отражательной деятельности всех или хотя бы нескольких анализаторов.

Чувственные восприятия отражают не только целостность предметов, их отличие друг от друга, но и пространственно-временные отношения между ними. Поэтому чувственные восприятия являются более верным, более адэкватным отражением предметов, чем ощущения.

Ощущения, по известному выражению В. И. Ленина, есть непосредственная связь сознания с предметом. В самом деле, ощущать можно лишь то, что воздействует на органы чувств и, следовательно, непосредственно существует в момент ощущения. Непосредственность ощущения, далее, проявляется в том, что оно, давая образ определенных качеств, не содержит в себе сознания об отношении этого образа к вызвавшему его качеству, не соотносит образа с предметом, не оценивает его познавательной ценности, его объективного содержания. Таковы разные зрительные ощущения, получаемые от одного и того же предмета, в зависимости от расстояния, на котором мы находимся от него; таковы же температурные, слуховые и иные ощущения, в которых предмет отражается и так, как он существует сам по себе, объективно, и так, как он соотносится с субъектом (в зависимости от расстояния, состояния субъекта и т. п.).

Восприятия менее непосредственны, чем ощущения: о них уже нельзя сказать, что они не судят, не оценивают. В восприятиях чувственное отражение приобретает в некоторой степени опосредованный характер, в нем уже обнаруживаются моменты абстрагирования, обобщения, свойственные мышлению.

Известно, что чувственный образ целого предмета (или хотя бы догадка о нем) возникает и при чувственном восприятии какой-либо отдельной черты, например, когда мы, услышав лай собак, представляем себе животное, которого мы не видим. Здесь обнаруживается переход от восприятия к представлению, которое может быть охарактеризовано как третья основная форма чувственного отражения внешнего мира. В отличие от предшествующих форм, представление есть чувственный образ, существующий в сознании и тогда, когда предмет, его вызвавший, уже не оказывает воздействия на сознание. Когда мы вспоминаем о виденном, слышанном, пережитом вообще, мы воспроизводим образ предметов, процесса, ситуации. Этот образ является уже чем-то промежуточным между восприятием и мышлением; он обычно не отличается яркостью и живостью, свойственной непосредственному восприятию предмета. И все же чувственное представление предметно: мы мыс-

ленно представляем себе то, что ощущали или, во всяком случае, можем ощущать. Однако представление может быть также следствием прочитанного, услышанного. Мы можем, наконец, представить себе и то, что никогда не существовало и существовать вообще не может, скажем, какой-либо сказочный, фантастический образ. Но элементы, из которых складывается это фантастическое представление, взяты из реальности, из чувственных восприятий действительно существующего; они лишь скомбинированы определенным образом.

Представление непосредственно связано, с одной стороны, с материалом чувственных восприятий, с другой стороны,— с особой способностью воспроизведения и создания идеальных образов действительности — с воображением. Образы, создаваемые воображением, представляют собой обобщенное отражение объективного мира; в них своеобразно отражается отношение человека к действительности и к тем предметам, бытие которых идеально воспроизводится представлением благодаря воображению. Воображение, многообразно сочетающее, комбинирующее ощущения, восприятия, представления, создающее наглядный образ определенного процесса, ситуации, независимо от того, имелись ли они (или даже возможны ли они) в. действительности, называется фантазией.

Идеалистическая философия обычно всячески мистифицирует человеческую способность воображения, фантазию, выдавая ее за такого рода деятельность, которая принципиально независима от объективной реальности и ее чувственного отражения. Уже домарксовские материалисты подвергли основательной и справедливой критике это идеалистическое представление, противопоставив ему материалистическое понимание воображения, фантазии, как особых форм отражения мира. Современная психология и физиология высшей нервной деятельности вскрывают рефлекторный механизм этих психических способностей и тем самым подтверждают, конкретизируют материалистическое понимание этих форм отражения действительности.

Громадное значение для понимания воображения и фантазии имеет материалистическое понимание истории, с позиций которого получили научное объяснение различные формы фантастического отражения действительности, в частности религия, а также идеалистическая философия.

Отвергая антинаучную фантастику идеализма и религии, диалектический материализм вместе с тем высоко оценивает познавательное значение воображения и фантазии, как необходимых элементов отражения действительности в сознании людей. В. И. Ленин подчеркивал, что «нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке...» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 308. Госполитиздат. 1947.

Что же касается искусства, то здесь воображение, фантазия являются специфическим чувственным средством художественного реалистического отображения действительности.

Таковы основные формы чувственного познания объективной реальности. Даже общая характеристика этих форм свидетельствует о сложности, многообразии, многогранности чувственного отражения внешнего мира. В основе своей непосредственное, оно постоянно опосредствуется, осложняется предшествующим чувственным опытом, сознательным и целесообразным применением органов чувств, органической связью с практической материальной деятельностью, опытом общественно-исторического развития и его результатами.

Чувственное отражение действительности, поскольку оно является отражением материи в сознании человека, представляет собой нематериальный, т. е. субъективный, образ материального, объективного мира. Для уяснения этого положения рассмотрим чувственное отражение объективной действительности с точки зрения присущих ему содержания и формы.

История познания и анализ достигнутых им результатов, так же как и специальное естественнонаучное изучение механизма чувственного отражения внешнего мира, показывают, что в наших ощущениях, чувственных восприятиях, представлениях заключается объективное, независимое от сознания человека содержание. Идеалисты, агностики, скептики, оспаривая положение материализма об объективном содержании чувственных образов, ссылаются на то, что в ощущениях находит свое отражение состояние воспринимающего субъекта, в виду чего ощущение одних и тех же предметов у здоровых и у больных людей, у близоруких и дальнозорких бывает различным. Не трудно видеть что этот аргумент противников материалистической теории отражения говорит против них же: значит, мы умеем отличать ощущения здоровых людей от ощущений больных людей. Но агностик возражает: откуда нам известно, что ощущения здоровых людей имеют объективное содержание, а ощущения больных таковым не обладают? Диалектический материализм отвечает на этот вопрос требованием практической проверки чувственных данных. Правда, агностики и тут возражают, утверждая, что практическая проверка ощущений невозможна, ибо мы якобы не можем выйти за пределы ощущений, не знаем предметов, как они существуют вне и независимо от чувственного восприятия. Конечно, если рассматривать каждое ощущение изолированно, отдельно от других, вне связи с накопленным чувственным опытом, в отрыве от практики,— проверка его становится невозможной. Именно так рассматривает ощущения агностик, для которого они представляются не непосредственной связью субъекта с объектом, а как бы перегородкой, отделяющей сознание от бытия. Но если бы дело обстояло так, как утверждает агностик, органы чувств

не были бы средством познания, средством ориентировки среди окружающих человека предметов.

Между тем, уже эта сравнительно простая функция чувственного отражения — ориентирование во-вне (функция, свойственная и животным) — свидетельствует о наличии в ощущениях объективного содержания.

Исследуя объективное содержание чувственных образов, мы при ближайшем рассмотрении отмечаем, что оно не совпадает непосредственно с объектом, ибо вещь, которая отражается сознанием, не входит в сознание, не становится его содержанием. В содержании чувственного образа, как правильно показывает известный болгарский марксист Т. Павлов, имеется нечто такое, что отсутствует в предмете, и вместе с тем отсутствует то, что присуще предмету. Отражаемый предмет обладает определенными физическими, химическими и иными свойствами, но чувственный образ ими, конечно, не обладает, так как он не есть вещь, а лишь ее отражение. Образ розы не обладает ее природными свойствами, «никакое сознание, разумеется, никогда не пахнет розой» [1]. И тем не менее восприятие розы, не обладая присущим ей запахом, цветом, формой, величиной, является вместе с тем изображением, осознанием всех этих присущих ей качеств. Таким образом, содержание сознания — это не предмет, а изображение предмета, которое похоже на предмет, но, конечно, не тождественно с ним. Следовательно, и в этом объективном содержании сознания имеется субъективное, но оно есть прежде всего отражение объекта, его идеальный образ. Однако объект всегда богаче его отражения. Образ никогда не исчерпывает оригинала. И эта неполнота содержания, заключающегося в чувственном образе, также представляет собой субъективный момент отражения. Короче говоря, содержание чувственного образа похоже на отражаемый объект, но вместе с тем отличается от него, ибо оно есть отражение предмета, а не сам предмет, существующий вне и независимо от сознания субъекта.

Сопоставляя содержание чувственных образов, полученных от одного и того же предмета в зависимости, например, от расстояния, на котором он находится от нас, мы убеждаемся и в том, что чувственное отражение является отображением предмета, как он существует сам по себе, независимо от субъекта, и вместе с тем отображением объективного отношения между субъектом и объектом (например, расстояние между ними), а также отображением субъективного отношения субъекта к объекту (например, профессиональное восприятие, неотделимое от оценки пригодности воспринимаемого для определенного дела). Следовательно, если поставить вопрос, отражается ли в чувственных восприятиях предмет так, как он

[1] Т. Павлов. Теория отражения, стр. 133. 1949.

существует сам по себе, то следует положительно ответить на этот вопрос, но тут же прибавить, что в отражение входит и отношение, имеющееся между субъектом и объектом, и разграничение этих двух сторон далеко не всегда имеет место на ступени чувственного познания. При этом следует, конечно, иметь в виду, что отношение объекта к воспринимающему субъекту само обусловлено объективными закономерностями. И тот факт, что Солнце представляется человеческому глазу величиной с колесо является следствием определенных оптических законов, изучение которых помогло установить действительную величину Солнца и его расстояние от Земли.

Следовательно, отношение между объектом и субъектом, отражающееся в содержании чувственных восприятий, имеет положительное познавательное значение, изучение этого отношения ведет к познанию объекта так, как он существует вне и независимо от сознания. Очевидно и то, что отношение между объектом и субъектом, отраженное в чувственном образе, является необходимой предпосылкой для изучения субъекта, который также является объектом познания для определенных научных дисциплин. Не будь этого закономерного отношения «субъект — объект», невозможно было бы самопознание, как совершенно необходимая форма развития научных знаний и одна из важных задач искусства. Однако вместе с тем очевидно, что полное разграничение объективного и субъективного в пределах чувственного познания внешнего мира невозможно: только наука, теоретическое мышление, как мы увидим дальше, способны воспроизвести действительность с полной объективностью, исключающей смешение объективного с субъективным. И только наука может исследовать само отношение между объектом и субъектом как объективно-обусловленное отношение, подчиняющееся определенным объективным закономерностям.

Однако ленинское положение о субъективном образе объективного мира характеризует не только содержание, но и форму чувственного отражения внешнего мира. Как известно, махисты утверждали, что ощущения не являются свойством субъекта, а представляют собой «элементы» самих вещей. Русский махист Базаров заявлял даже, что «ощущения — это и есть вне нас существующая реальность». Изобретенная Р. Авенариусом теория «интроэкции» объявляла иллюзией научное представление об ощущениях, как специфической деятельности субъекта; согласно этой теории, мы приписываем себе (интроэкцируем, вкладываем в себя) ощущения, которые-де существуют сами по себе, независимо от субъекта. Разоблачая эту антинаучную концепцию, В. И. Ленин всесторонне обосновал материалистическое понимание ощущений, как специфического свойства живого существа, свойства субъекта, обусловленного воздействием на него внешнего мира.

Субъективность ощущений и других форм чувственного познания объективной действительности выражается далее в том, что они представляют собой не пассивное, мертвое отражение объектов, а, напротив, активное, направленное познавательное отношение к миру. Это ярко проявляется, например, в избирательном характере чувственных восприятий. Ведь если бы человек сознавал все то, что воздействует на его органы чувств, он, по-видимому, не мог бы отличить один предмет от другого, не мог бы вести наблюдения, изучать объекты в определенной последовательности, иначе говоря, было бы невозможно сознательное применение человеческих органов чувств, как орудия познаний. Избирательный характер чувственных восприятий свидетельствует о том, что в процессе чувственного познания имеет место своеобразное отвлечение от одних предметов (или их свойств) и выделение, вычленение других предметов внешнего мира, как объектов познания. И это происходит, конечно, потому, что чувственные восприятия органически включены в практическую деятельность людей.

Специфической особенностью чувственного познания внешнего мира является то, что оно есть отражение единичных предметов, отражение внешнего проявления, обнаружения этих предметов. Это обстоятельство обычно извращается противниками сенсуализма, которые на этом основании делают вывод о крайне ограниченных познавательных возможностях органов чувств. Но диалектический материализм чужд противопоставлению единичного общему. Биолог, изучая отдельные растения или животные, естественно, изучает тем самым и основные особенности вида, к которому принадлежат данные биологические особи. Изучение отдельных образчиков минералов, металлов, металлоидов является, конечно, изучением общих их свойств, а не свойств только данного образчика. Для ознакомления с анатомией человека нет необходимости анатомировать все трупы. Таким образом, чувственное познание единичного есть также и познание общего. Однако это чувственное познание общего носит ограниченный, неполный характер, что обусловлено самой формой чувственного отражения мира. Лишь рациональная, научная обработка чувственных данных может преодолеть этот недостаток данной ступени познания.

Метафизики обычно противопоставляют друг другу не только единичное и общее, но и внешнее и внутреннее. С точки зрения диалектического материализма, внешнее есть обнаружение внутреннего. Познавая внешнее, мы тем самым в известной мере познаем и внутреннее. Поэтому неправильно рассматривать чувственное отражение как познание одного лишь внешнего. Однако чувственное познание внутреннего содержания ограничено его внешними, чувственно воспринимаемыми проявлениями. Лишь суммирование, анализ и обработка чувственных данных позволяют познать вну-

треннее содержание действительности. И здесь, следовательно, ограниченность чувственного отражения, как специфической формы познания не может быть преодолена без перехода к абстрактному мышлению. Таким образом, субъективная сторона чувственного познания (проявляющаяся и в форме его, и в содержании) выражает присущие ему специфические особенности, в силу которых оно является источником всех наших знаний о внешнем мире, но вместе с тем представляет собой лишь первую, сравнительно ограниченную, ступень познания действительности.

Критика «физиологического» идеализма и теории символов

Итак, чувственный образ отражает предмет, как он существует вне и независимо от сознания, но вместе с тем в нем, в чувственном образе, отражается и отношение предмета к субъекту, а также отношение субъекта к предмету. В чувственном образе имеется и то, что присуще самому объекту, и то, что отсутствует в нем. И в объекте имеется не только то, что отразилось в чувственном образе, но и то, что не получило в нем своего выражения. Но как ни сложно это отношение чувственного образа к объективной реальности, в конечном итоге наши ощущения, восприятия, представления приблизительно правильно отражают предметы и являются поэтому образами, копиями, изображениями, снимками предметов. С этих позиций диалектический материализм выступает против всякого рода агностических и полуагностических концепций, абсолютизирующих субъективную сторону чувственного отражения, отрицающих наличие в нем объективного содержания, не признающих сходства между чувственным восприятием и вызвавшим его предметом.

Одной из таких агностических концепций является так называемый «физиологический» идеализм И. Мюллера — видного немецкого физиолога XIX века. И. Мюллер, установив экспериментальным образом факт специфической реакции каждого из органов на раздражение извне, пришел к ошибочному выводу о том, что именно специфичность органов чувств обусловливает содержание чувственного образа. С этой точки зрения, которую И. Мюллер охарактеризовал, как «закон специфической энергии органов чувств», ощущение цвета, фигуры, которое дается нам зрением, не является результатом воздействия на наше зрение предмета, обладающего определенным цветом и фигурой; это же ощущение, по мнению Мюллера, может быть вызвано любым воздействием на зрительный нерв, например, раздражением его электрическим током. Агностицизм Мюллера был неразрывно связан с идеалистическим пониманием чувственно воспринимаемых качеств, которые истолковывались как специфические состояния органов чувств, а не как объективно существующие качества. «Идеализм этого физиолога, — указывал

В. И. Ленин,— состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности» [1].

В 1866 году против агностического идеализма И. Мюллера выступил Л. Фейербах, правильно показавший, что теоретические положения И. Мюллера противоречат данным чувственного опыта и представляют собой кантианское истолкование неправильно понятых экспериментальных данных. Однако поворот к кантианству, обнаружившийся в буржуазной философии во второй половине XIX века, способствовал распространению «физиологического» идеализма, отдельные положения которого были, в частности, восприняты другим выдающимся немецким естествоиспытателем Г. Гельмгольцем, пытавшимся сочетать стихийный естественнонаучный материализм с элементами кантианства. Гельмгольц является создателем так называемой теории символов, согласно которой наши ощущения, вызываемые вне нас находящимися предметами (существование которых он не отрицает), не похожи на эти предметы, не являются их отражением. Но так как наши ощущения безусловно необходимы нам для того, чтобы ориентироваться во вне и, следовательно, обладают бесспорной практической ценностью, то их можно рассматривать, как символы, метки, знаки, благодаря которым мы можем отличать один предмет от другого, не зная, что эти предметы представляют собой сами по себе. «Я обозначил ощущения как **символы** внешних явлений, и я отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют»,— писал Гельмгольц в своей работе «Физиологическая оптика». Таким образом, Гельмгольц отвергает материалистический принцип отражения и познавательное значение ощущений, рассматривая последние лишь как практические средства ориентировки в окружающей среде.

Ошибочность этой концепции заключается в агностическом противопоставлении познавательной и практической функции ощущений. В свете предыдущего изложения совершенно очевидно, что возможность ориентироваться во вне, которой мы обладаем благодаря ощущениям, обусловлена объективным содержанием ощущений. Что же касается символов, условных знаков, то они объективным содержанием не обладают. Критикуя Гельмгольца, В. И. Ленин писал: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие никакого сходства с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, под-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 290.

вергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов» [1].

Не удивительно поэтому, что материалисты критиковали Гельмгольца за уступки идеализму, а идеалисты — за признание объективной реальности вне и независимо от сознания.

Ошибки в духе теории символов Гельмгольца допускал в некоторых своих работах выдающийся представитель философии марксизма Г. В. Плеханов. Так, например, в 1899 году Плеханов писал: «Наши представления о формах и отношениях вещей не более, как *иероглифы;* но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них» [2].

Известно, что иероглифы, которыми пользуются в некоторых и ныне существующих языках, являются условными знаками, которыми обозначаются определенные, ставшие уже известными в ходе познания предметы и процессы. Плеханов же, отвергая упрощенное представление о соотношении чувственных образов и предметов, допустил вместе с тем ошибку в духе агностицизма, поскольку иероглифами он объявил сами ощущения, отрицая тот факт, что ощущения являются *образами* предметов. Под влиянием ленинской критики Плеханов вынужден был отказаться от термина «иероглифы» применительно к ощущениям. Впоследствии Плеханов утверждал, что ощущения соответствуют объектам, которые их вызвали. Но и этот термин «соответствие» является уступкой агностицизму, поскольку соответствие рассматривалось Плехановым как нечто, отличающееся от отражения.

Диалектический материализм проводит принципиальное различение между отражением, с одной стороны, и символикой, условным знаком — с другой. «Бесспорно, — говорит В. И. Ленин, — что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак.* Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» [3].

Таким образом, в итоге изучения чувственного отражения действительности, его основных форм и особенностей, мы вновь приходим к выводу, сделанному в начале данного раздела: чувственное отражение объективной реальности есть

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 222.
[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 142.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 223.

источник всех человеческих знаний и первая ступень познания действительности. Следующими вопросами, которые мы должны рассмотреть, являются: каким образом чувственное отражение внешнего мира может быть источником теоретического знания, как происходит переход от чувственного опыта к абстрактному, научному мышлению, как относится теоретическое, научное понимание мира к чувственному знанию о нем?

Рациональное познание действительности

Чувственное отражение объективной реальности и мышление

Из того, что чувственное отражение внешнего мира является источником всех наших знаний, отнюдь не следует, что познание мира осуществляется лишь в чувственной форме. Ощущения, восприятия, представления образуют первую ступень познания действительности. Следующей, органически связанной с чувственным отражением, ступенью познания существующего является логическое мышление.

Чувственное отражение дает нам прежде всего знание о предметах, которые прямо, непосредственно воздействуют на наши органы чувств. Мы видим, слышим, осязаем эти предметы; с этого и начинается их познание. Однако значительная часть окружающих человека явлений лишь косвенно, через посредство других явлений, воспринимается нашими органами чувств. В этих случаях, когда чувственность отражает не сами предметы, а лишь вызванные ими последствия, оставленные ими «следы», свидетельства органов чувств для того чтобы стать знанием о предметах, непосредственно нами не воспринимаемых, должны подвергнуться рациональной переработке.

Шотландский ботаник Броун наблюдал непрерывное движение мельчайших пылинок на поверхности совершенно спокойной воды, находящейся в сосуде, не подвергающемся заметным воздействиям извне. То, что это движение пылинок обусловлено не внешними причинами (колебание воздуха и т. п.), а движением молекул воды, непосредственно, конечно, не следует из чувственного восприятия броунова движения. Это — вывод, сделанный мышлением, логический вывод, первоначально высказанный в качестве предположения, а затем подтвержденный фактами, опытами. Анализируя траекторию движения пылинок на поверхности воды, А. Эйнштейн математически определил поперечник молекулы воды, массу молекулы и т. п. На этом примере наглядно обнаруживается, что в процессе познания мы судим о фактах, которые не воспринимаются чувственно, но связаны с другими, чувственно воспринимаемыми фактами. Благодаря этому стано-

вится возможным на основе данных чувственного отражения познание чувственно не обнаруживаемых явлений.

Говоря об объектах исследования, непосредственно не отражаемых чувственностью, мы имеем в виду не только такого рода вещи, как молекула, атом, микробы и т. п. Органы чувств не могут непосредственно отразить внутреннюю связь явлений, законы природы и общества, необходимость и т. д. Чувственное восприятие обычно не отличает существенных связей от несущественных. В чувственных восприятиях отражаются единичные проявления необходимости, закономерности, но саму необходимость, закономерность нельзя видеть, слышать, осязать. Это значит, что в чувственном восприятии действительности нельзя разграничить, отделить друг от друга единичное и общее; мы чувственно воспринимаем те или иные свойства предметов, однако их необходимость, закономерность, всеобщность могут быть установлены лишь мышлением.

Значение мышления заключается далее в том, что оно обнаруживает такие явления, чувственное восприятие которых становится возможным лишь благодаря их теоретическому исследованию и созданию на этой основе специальных экспериментальных познавательных средств. Так, например, с помощью особого прибора, камеры Вильсона, физики исследуют движение электронов, изучая оставляемые движущимися электронами «следы». Физики, следовательно, наблюдают не непосредственно электроны, а определенные, вызванные их движением явления. Такого рода чувственное восприятие объектов является не прямым, непосредственным, а, напротив, косвенным, опосредованным чувственным отражением объективной действительности. Одной из предпосылок такого опосредованного чувственного отражения, как это видно на примере с электроном, является определенный уровень развития науки, познания, а также создание специальной аппаратуры, т. е. определенное практическое действие. Здесь отношение между чувственным восприятием и мышлением оказывается несравненно более сложным, чем это имеет место в тех случаях, когда существование и свойства исследуемого объекта первоначально открываются чувственным наблюдением, после чего следует теоретическое исследование, анализ, сравнение, обобщение, выведение законов и т. д. Открытие «элементарных» физических частиц не является уже, так сказать, «расшифровкой» непосредственных чувственных данных: необходимость их существования устанавливается первоначально теоретическим путем, а затем подтверждается чувственно-экспериментальным образом. Теоретический анализ этих особенностей развития научного познания необходим, в частности, для преодоления упрощенного понимания сенсуализма, согласно которому всякий объект

познания первоначально является предметом чувственного восприятия.

Значение мышления не только в том, что оно делает возможным познание непосредственно не отражаемых чувственностью процессов, свойств, отношений и т. д. Даже те явления, которые непосредственно воспринимаются и правильно отражаются нашими органами чувств, неизбежно становятся предметом теоретического познания, поскольку исследуется их внутреннее содержание, сущность, закономерность. Так, например, чувственное восприятие воды дает нам знание некоторых присущих ей физических свойств; чувственный опыт позволяет установить свойственные воде агрегатные состояния и даже выяснить условия, при которых совершается переход воды в твердое или газообразное состояние. И тем не менее необходим целый ряд научных дисциплин — гидростатика, гидромеханика, химическое и физико-химическое исследования для того, чтобы вскрыть присущие этому веществу закономерности. Чувственное восприятие не сообщает нам о том, что вода состоит из газов — водорода и кислорода; чувственный опыт не говорит нам о том, что в обычной воде содержится так называемая тяжелая вода. И, строго говоря, чувственный опыт лишь констатирует переход воды из одного состояния в другое, не объясняя причин этого перехода, не вскрывая его необходимости и закономерного отношения к изменяющимся условиям. Если сравнить знания о свойствах воды, получаемые из повседневного чувственного опыта, с научными, теоретическими знаниями о свойствах воды, то обнаружится, что чувственные знания явились *материалом* для науки; наука же, анализируя и перерабатывая этот материал, пришла к новым выводам и открытиям, которые зачастую не только не совпадают с непосредственными чувственными данными, но даже противоречат им, хотя, в конечном счете, на них же основываются.

Итак, мышление имеет своим предметом и то, что не познается в чувственном отражении, и то, что познается, но как выше было показано, в недостаточной мере, последним. Если зрение говорит нам о цвете предмета, то наука вскрывает внутреннюю электромагнитную природу цветности. Само собой разумеется, что теоретический анализ природы цвета стал возможен лишь в середине XIX века в связи с развитием учения об электромагнетизме. Лишь развитие молекулярной теории сделало возможным научный анализ таких чувственно воспринимаемых явлений, как переход из одного агрегатного состояния в другое, температурные изменения физических тел вообще, запах и т. п. Опыт научного развития позволяет поэтому заключить, что любое чувственное восприятие действительности, независимо от своей достоверности, рано или поздно становится материалом, подвергаю-

щимся рациональной, теоретической переработке с целью достижения более глубокого и объективного знания об окружающей действительности. И только на этой рациональной ступени познания может быть, как уже указывалось выше, изучено действительное отношение субъекта и объекта, разграничено субъективное и объективное в содержании знания и достигнуто самопознание, т. е. познание человеком своей собственной сущности, которое осуществляется определенными научными дисциплинами. С этой точки зрения становится понятным, почему непосредственное чувственное отражение действительности, имеющее величайшее значение в качестве источника всех наших знаний, является все же низшей ступенью научного познания. Высшей ступенью познания является абстрактное, теоретическое мышление, которое не непосредственно, а через определенные промежуточные звенья, путем различного рода абстракций, иначе говоря, **опосредованно** отражает внешний мир. В. И. Ленин подчеркивает, что познание, в сущности, носит опосредованный характер; в ином случае оно могло бы осуществляться без мышления, одними лишь органами чувств.

«Познание, — говорит В. И. Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов...» [1].

Опосредованный характер научного познания объективно обусловлен самим предметом познания — окружающей нас действительностью. Явления, которые мы познаем, многообразно связаны друг с другом, находятся в движении, изменяются, превращаются в другие явления. Наука должна отличать видимость от сущности, случайное от необходимого и т. д. Именно потому, что сами явления опосредованны (т. е. находятся во многообразных отношениях друг к другу), научное познание неизбежно носит опосредованный характер.

Специфические особенности мышления

Специфическими особенностями мышления, как опосредствованного отражения объективной реальности, является абстрагирование, обобщение, отражение отношений между вещами в форме суждений и умозаключений, логических выводов и доказательств. В предыдущем разделе настоящей работы уже указывалось, что чувственные образы объективной действительности образуются в результате анализирующей и синтезирующей деятельности, обусловленной физиологическим механизмом непосредственного, чувственного отражения внешнего мира. Мышление является качественно новой ступенью развития этой анализирующей и синтезирующей деятельности.

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 156.

Специфическим выражением анализирующей деятельности мышления является **абстрагирование**, т. е. мысленное выделение, вычленение определенных особенностей изучаемого предмета. При этом остальные особенности изучаемого предмета оставляются вне изучения, рассматриваются как несущественные или же не представляющие интереса в данном отношении, в данных условиях. Само собой разумеется, что науке приходится абстрагироваться не только от несущественного, тем более, что несущественное в данных условиях может стать существенным в других. Так, классическая механика отвлекается от других, более сложных и, конечно, не менее существенных форм движения материи. То, от чего отвлекается механика, становится предметом изучения других наук — физики, химии и т. д.

Когда мышление отвлекается от чисто индивидуальных свойств, присущих отдельным предметам, оно, как правило, оставляет вне внимания несущественное. Однако при определенных условиях и в определенных объектах индивидуальное, единичное оказывается, напротив, существенным. Так, индивидуальные, неповторимые особенности гениального художника, ученого, политического деятеля представляют собой нечто существенное, имеющее органическую связь с общими характерными особенностями людей определенной исторической эпохи, класса, общественного движения. Наконец, некоторые объекты научного познания, по самой своей природе, носят индивидуальный характер. Так, например, астрофизик изучает Солнце, географ исследует особенности Каспийского моря, историк стремится отобразить своеобразие революции 1905 года. Следовательно, единичные, индивидуальные особенности не могут быть просто отброшены мышлением: в них также выражается существенное, важное для науки. От них можно отвлечься при определенных условиях и в соответствии с особыми задачами, стоящими перед данным исследованием. Но в других условиях и при изменившейся задаче научного исследования именно эти, игнорировавшиеся раньше единичные особенности, исключения станут предметом исследования и, возможно, приведут к открытию общих особенностей объектов.

Когда мышление выделяет особенности, более или менее общие всей изучаемой группе явлений, предметом исследования становятся, как правило, существенные, важные черты. Следует, однако, иметь в виду, что не все общие признаки, свойства, особенности изучаемых объектов являются существенными. Так, например, сторонники человеконенавистнических расистских «теорий» пытаются доказать, что цвет кожи является якобы одним из наиболее существенных показателей физических и интеллектуальных способностей того или иного народа. В действительности цвет кожи, хотя и

является общим для целых народов и рас признаком, не может рассматриваться как существенный признак.

Таким образом, выделение единичных, особенных и общих признаков изучаемых явлений или же отвлечение от единичного, особенного и общего представляют собой необходимую форму опосредованного, анализирующего отражения действительности в мышлении.

Необходимой формой отражения мира мышлением является далее *обобщение*. Обобщение, по самой природе своей, неотделимо от абстрагирования, поскольку, выделяя те или иные признаки, особенности изучаемых явлений, мы разграничиваем единичное, особенное и общее, а это разграничение (установление общего для всей изучаемой группы явлений или хотя бы для части ее) и есть обобщение. Если в процессе абстрагирования мы мысленно разлагаем изучаемые предметы, то путем обобщения мы мысленно синтезируем ранее разграниченные, отделенные друг от друга стороны. Таким образом, обе эти основные операции мышления в конечном счете друг друга обусловливают. Само собой разумеется, что знание о группе предметов, получаемое благодаря абстрагированию и обобщению, качественно отличается от знания об этих предметах, приобретенного путем чувственных восприятий. Правда, сходство и различие отражаются и в чувственных восприятиях, но последние дают лишь знание непосредственно данного сходства или различия. Поэтому, например, посредством чувственного восприятия нельзя установить, что акула и кит относятся к разного рода животным: первая — рыба, второй — млекопитающее. Мышление путем абстрагирования и обобщения выделяет определенные свойства, стороны, особенности изучаемых явлений. Далее, путем обобщения устанавливается, что всем рыбам в отличие от других существ, живущих в воде, свойственно жаберное дыхание. Для установления этой истины необходимо доказать, что эта особенность является общей для всех рыб, а для этого недостаточно одного лишь наблюдения за различными рыбами. Ведь всегда может обнаружиться новая порода рыб с новыми признаками. То, что жаберное дыхание является общим, но вместе с тем существенным, а также специфическим признаком всех рыб, может быть окончательно установлено лишь тогда, когда будет доказана необходимость жаберного дыхания для тех живых существ, которые на основании данных чувственного наблюдения были объединены под одним названием — рыбы. Но среди свойственных и необходимых всем рыбам особенностей мы находим плавники, которые имеются и у кита. Следовательно, всеобщий признак должен быть не только необходимым, но вместе с тем также характерным лишь для данного вида живых существ в отличие от других. Таким специфическим, все-

общим, необходимым признаком рыб является наличие жабер, жаберного дыхания. Однако люди, конечно, не с самого начала узнали, что киты не являются рыбами, и отличие китов от рыб было установлено лишь в результате длительного наблюдения за жизнью существ, населяющих моря. В ходе этих наблюдений производились сравнения, выделялись сходные и отличные черты, далее выяснялось, насколько эти черты сходства и различия являются важными, необходимыми для существования тех или иных живых существ. При этом неизбежно обнаруживались и весьма важные различия между рыбами: одни из них питаются водорослями, другие — себе подобными, одни отличаются крайне незначительной величиной, другие, напротив, весьма велики. По форме рыбы также весьма разнообразны. Следовательно, для того чтобы абстрагировать и обобщить наиболее общие, необходимые, специфические особенности рыб, необходимо было длительное наблюдение, сопоставление, абстрагирование от признаков несущественных, индивидуальных, суммирование и оценка наиболее общих признаков. В результате этой длительной работы познания образовалось научное понятие: рыбы.

Понятие представляет собой опосредованное отражение общих, специфических, необходимых особенностей определенной группы явлений. Так, в понятие рыбы включается прежде всего наличие жаберного дыхания и, далее, такие общие, необходимые, хотя и не всегда специфические признаки этих живых существ, как наличие позвоночника, жизнь в водоемах, способы размножения и т. д.

Образование понятий происходит путем абстрагирования и обобщения. Понятия являются основной, специфической формой опосредованного отражения внешнего мира, осуществляемого мышлением: в них отражается и то, что известно из чувственного восприятия предметов, и то, что может быть познано лишь в результате абстрагирования и обобщения. Именно поэтому понятия представляют собой более высокую ступень познания, чем чувственные восприятия, и лишь благодаря мышлению в понятиях возможно познание непосредственно не воспринимаемых чувствами объектов, с одной стороны, и накопление, распространение, сохранение достигнутых знаний — с другой. Характеризуя понятия, как высшую форму отражения объективной реальности, В. И. Ленин указывает: «Представление не может охватить движения в *целом,* например, не схватывает движения с быстротой 300.000 км в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить».

Понятия являются опосредованной, более глубокой по сравнению с чувственным отражением, формой познания не только благодаря абстрагированию и обобщению, но и потому, что по своему содержанию они являются подытожива-

нием истории познания и сокращенным выражением достигнутых познанием результатов. Таковы, например, понятия «металл», «металлоид», «минерал», «химический элемент», «атом», электрон» и т. д.

История понятий отражает историю познания: вместе с развитием наших знаний изменяется содержание понятий, их объем и значение в той или иной области знаний. В ходе развития научных знаний одни понятия заменяются другими, дающими более правильное отражение действительности. Так, например, понятие эфира в современной науке заменено понятием поля — гравитационного, электромагнитного, ядерного и т. д. Некоторые понятия, имевшие значение на определенных стадиях развития науки, в дальнейшем оказываются излишними, вследствие того, что они давали искаженное представление об изучаемых процессах Таковы, например, понятия флогистона, светорода и другие физические понятия, от которых физика отказалась в процессе исследования теплоты, света и других форм движения материи.

Процесс мышления, как опосредованного отражения объективной реальности, складывается из образования понятий, анализа, разграничения, определения понятий, установления связи между ними и выделения одних понятий из других. Все эти мыслительные операции осуществляются в форме суждений и умозаключений. При этом осуществляется не только классификация, систематизация уже известных науке фактов, но и открытие новых ранее не известных фактов и закономерностей, предвосхищение последующих открытий науки, научное предвидение будущего. Выше уже говорилось о том, что значительная часть так называемых элементарных частиц, составляющих атомное ядро, была открыта теоретическим путем и лишь затем обнаружена с помощью экспериментов и наблюдений, осуществлявшихся на основе определенных теоретических предпосылок. Науке известно множество случаев (их количество особенно велико в настоящее время), когда ученые теоретически открывают или предвидят существование определенных явлений, которые затем становятся чувственно воспринимаемыми объектами. Отсюда следует, что научное абстрагирование, обобщение, образование понятий, умозаключение направляют, в определенной мере, чувственное наблюдение, указывает ему объекты и пути их обнаружения. Следовательно, мышление является также специфическим способом обнаружения новых фактов, существующих вне и независимо от сознания, фактов, которые могут стать объектами чувственного восприятия лишь благодаря теоретическому познанию и основанным на нем научно-техническим средствам наблюдения.

Отсюда следует также и то, что понятия, теоретическое мышление вообще, представляет собой *активную* форму от-

ражения действительности. Анализирующее абстрагирование и синтезирующее обобщение, находящие свое единство в процессе образования понятий, суждений и умозаключений, неразрывно связаны с практической деятельностью людей, в ходе которой, на протяжении всей своей истории, люди разделяют и соединяют явления природы, преобразуют природу, овладевают ее стихийными силами. Характер теоретической постановки вопроса органически связан с определенной практической деятельностью людей. Так, например, потребности практики привели Галилея к необходимости абстрагироваться от среды, формы и веса тел при изучении их падения: для приближенного представления о скорости падения тел достаточна была такая упрощенная постановка проблемы. Но те же потребности практики вынудили науку XX века изучать падение тел с учетом окружающей их атмосферы, их веса и формы: без этого были бы невозможны теоретические расчеты в авиации. Другой пример: физика XIX века игнорировала воздействие прибора на изучаемый предмет (например, воздействие температуры термометра на жидкость, температура которой измеряется). Квантовая механика не может игнорировать воздействие прибора на изучаемые объекты, так как в этом случае (при наличии крайне малых объектов) ошибка была бы весьма значительна и непосредственно сказалась бы на практике.

Изучение сложной опосредованной связи между теоретической постановкой определенных вопросов и уровнем развития материальной практической деятельности людей является одной из задач теории познания диалектического материализма. В этой связи Энгельс указывает: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой—только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [1].

Переход от чувственного отражения действительности к рациональному познанию

Переход от чувственного отражения действительности к рациональному познанию нельзя понимать упрощенно, как будто бы познающий субъект сначала ощущает вещи, но не воспринимая их чувственным образом. Чувственное восприятие мира без мышления возможно лишь у животных; у человека же чувственное восприятие вещей, как уже показано выше, носит сознательный, осмысленный характер. Иначе говоря, человек мыслит и тогда,

[1] Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 183.

когда он с помощью своих органов чувств наблюдает определенные явления, так же как он чувствует, воспринимает тогда, когда занимается чисто логическими операциями. Как же, в таком случае, понимать переход от чувственного отражения действительности к рациональному ее пониманию? Этот переход надо понимать, прежде всего, исходя из основного положения материалистического сенсуализма; все наши знания о внешнем мире имеют своим источником чувственные восприятия. Отсюда следует, что чувственные восприятия *независимы* от мышления, хотя и связаны с ним. Мышление же, наоборот, как опосредованное познание зависит от чувственного опыта, невозможно без него. Но это отнюдь не означает, что мышление познающего субъекта непосредственно связано с его собственным личным опытом; мышление связано с чувственным опытом всего человечества. И не только с чувственным опытом, но и со всеми достигнутыми знаниями, с практической деятельностью. Но отсюда с необходимостью следует, что мышление каждого отдельного человека *относительно независимо* от его чувственных восприятий. Мы можем осмысливать, теоретически перерабатывать чувственные восприятия, опыт других людей. Таким образом, проблема перехода от чувственного отражения внешнего мира к его рациональному познанию, с точки зрения диалектического материализма, принципиально не сводима к вопросу о различных ступенях познавательной деятельности отдельного, изолированно взятого субъекта. Речь идет о постоянно совершающемся в ходе развития науки переходе от чувственного опыта к теоретическому пониманию действительности, отражающему объективно присущие ей закономерности и явления, которые непосредственно, чувственным образом не отражаются.

Домарксовские материалисты, правильно подчеркивая единство рационального и чувственного познания, не видели качественного отличия мышления от чувственного отражения, понятия от ощущения. Поэтому они не могли объяснить перехода от чувственного к рациональному в процессе познания и, будучи, в основном, метафизиками, не понимали того, что этот переход носит скачкообразный, противоречивый характер, что мышление дает нечто новое по сравнению с чувственным отражением и качественно отличается от последнего. Так, например, Фейербах утверждал: «Чувственное восприятие дает *предмет,* разум — *название* для него. В разуме нет того, чего бы не было в чувственном восприятии, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в разуме находится лишь номинально, по названию» [1].

Следует отметить, что это упрощенное понимание отношения между рациональным и чувственным, допускавшееся

[1] Цит. по В. И. Ленину. Философские тетради, стр. 320.

метафизическими материалистами, свойственно и современному идеалистическому эмпиризму, одним из зачинателей которого был австрийский субъективный идеалист Э. Мах. Последний сводил задачу науки, рационального познания к одному лишь связыванию ощущений и представлений, утверждая, что ничего, кроме ощущений, мы знать не можем. Мах вынужден был поэтому отрицать реальность атомов. Современная физика, исследующая «элементарные» частицы, наглядно посрамила утверждения физика-идеалиста Маха, теоретически и практически опровергнув идеалистический эмпиризм субъективных идеалистов и непосредственно продемонстрировав качественно новую ступень познания, достигаемую благодаря рациональной переработке чувственных данных.

В отличие от домарксистских материалистов, представители идеализма, как правило, абсолютно противопоставляли друг другу рациональное и чувственное, вырывая пропасть между ними, Так, по мнению Канта, то новое, что дает мышление по сравнению с чувственным восприятием, не может быть почерпнуто из последнего и представляет собой, грубо говоря, нечто прирожденное мышлению, внутренне присущий ему способ обработки чувственных данных. Так, например, понятие причинности является, по Канту, необходимо присущей человеческому рассудку формой логического синтеза чувственных данных. Именно поэтому, по учению Канта, все предметы чувственного восприятия могут быть мыслимы лишь как причинно обусловленные. Объективной же причинности, существующей вне и независимо от сознания, согласно мнению Канта, нет.

Наука, действительно, невозможна без общих понятий, охватывающих, с той или другой стороны, все изучаемые ею объекты. Но отсюда вовсе не следует, что эти понятия (категории) априорны, т. е. существуют до всякого чувственного опыта и, следовательно, независимы от него. Отсюда следует лишь то, что нет непосредственного перехода от присущих отдельному индивиду чувственных представлений к наиболее общим понятиям, которыми оперирует наука, основываясь на чувственном опыте всего человечества. Но там, где отсутствует непосредственный переход от чувственного к рациональному, имеет место диалектический, скачкообразный переход. Для понимания последнего необходимо исследовать не чувственные восприятия изолированно взятого индивида, а развивающийся чувственный опыт человечества и его основу, общественную практику, благодаря которой и осуществляется скачкообразный переход от чувственного отражения внешнего мира к рациональному его познанию.

Каждая наука содержит в себе систему связанных друг с другом общих понятий, категорий. Так, например, в классиче-

ской механике такими категориями являются: масса, сила, инерция, протяженность, непроницаемость, скорость, ускорение и т. д. В философии мы встречаемся с такими категориями, как материя, сознание, движение и т. д. Всеобщность всех этих категорий (в рамках отдельной формы движения или же по отношению к миру, как целому), так же как и всеобщность любого закона, открываемого наукой устанавливается практически и путем теоретического обобщения данных практики. Практика ежедневно, всегда и всюду свидетельствует о том, что нет следствия без причины и причины без следствия. И ничего другого, кроме этого, не выражает понятие причинности.

Всеобщность закона Архимеда, согласно которому тело, погруженное в жидкость, теряет в весе столько, сколько весит объем вытесненной им жидкости, также доказывается практически, постоянным повторением этого отношения, независимого от специфических свойств различных жидкостей или различных погружаемых в них тел. И совершенно очевидно, что если когда-либо какое-то неизвестное еще вещество при погружении в какую-то неизвестную еще нам жидкость не будет подчиняться закону Архимеда, то этот факт будет лишь определенным ограничением данного закона (ограничением, которое всегда предполагается, ввиду чего всегда необходима строгая формулировка закона), но отнюдь не его опровержением. То же относится и к любому понятию, категории, умозаключению. То, что утконос, не будучи птицей, несет яйца, нисколько не является отрицанием того факта, что несение и высиживание яиц является характерной особенностью птиц. Отсюда следует лишь то, что всякая характерная особенность должна рассматриваться не изолированно, а в связи с другими особенностями, в отношении к породившим ее условиям и т. д.

Таким образом, переход от чувственного к рациональному познанию действительности, от непосредственного к опосредованному ее отражению, от познания внешних, единичных непосредственно воспринимаемых проявлений материи к познанию внутренних, общих, непосредственно не воспринимаемых отношений, закономерностей представляет собой диалектический скачок, осуществляемый специфическими средствами мышления (абстрагирование, обобщение, понятия, умозаключения и т. д.) на основе общественной практики и благодаря подытожению данных практики.

Диалектическое противоречие между чувственным и рациональным отражением действительности

Метафизическое представление о единстве рационального и чувственного, а также непонимание роли практики в процессе познания обычно приводило домарксовских материалистов к ошибочному выводу: теоретические положения должны согласоваться с чувственными восприятиями, и если суждения, умозаключения не согласуются с показаниями органов чувств, значит, они ошибочны.

Неправильность такого подхода к анализу отношения между показаниями органов чувств и научными знаниями заключается прежде всего в том, что здесь игнорируется тот факт, что абстрактное мышление является высшей ступенью познания: оно не может поэтому согласоваться с низшей ступенью, оно представляет собой более глубокое, более объективное знание. Ошибочность такого подхода заключается, далее, в том, что он игнорирует качественное различие (скачок), имеющий место между первой и второй ступенью познания, различие, вследствие которого чувственные восприятия сплошь и рядом не могут ни подтверждать, ни отрицать того, что говорит наука. Разве может чувственное восприятие непосредственно подтвердить или опровергнуть положение науки относительно скорости света? Конечно, нет.

Итак, из того, что чувственные восприятия являются непосредственной связью сознания с объективной реальностью, из того, что мышление черпает свой материал из чувственных данных, а не из самого себя, отнюдь не вытекает, что положения науки должны выноситься на суд чувственности, должны обязательно согласоваться с нею и никак ей не противоречить. Ни ощущение, ни чувственное отражение действительности вообще не может быть критерием правильности, истинности теоретического познания. Критерием, мерилом правильности, истинности теоретического познания (как и чувственного отражения действительности) является материальная практика. Но значит ли это, что между способностью чувственного восприятия и способностью мышления существует дисгармония, прирожденная несогласованность, как это утверждают некоторые идеалисты и рационалисты, полагающие, что ощущения обманывают нас и лишь разум способен, независимо от чувственности и даже вопреки ей, дать истинное знание? Такая точка зрения, конечно, совершенно ошибочна.

Чувственность и мышление, как определенные исторически сформировавшиеся способности человеческого познания, нисколько не противоречат друг другу: они органически связаны друг с другом, друг друга обусловливают и дополняют. Рассуждения о противоречии между чувством и разумом, как способностями, т. е. безотносительно к их конкретному содержанию, не имеют ничего общего ни с материализмом, ни с диалектикой, ни с данными специальных наук. Образование и развитие чувственной и рациональной способностей познания обусловлено наличием соответствующих объектов познания в самой объективной действительности, всем историческим развитием человека, его практической, материальной деятельности. Именно этим и обусловлено принципиальное единство между чувственным и рациональным отражением действительности. Однако это единство не есть

мертвое, абстрактное тождество: содержанием чувственного образа является непосредственное, единичное, внешнее; содержанием теоретического знания является внутреннее, общее, опосредованное, закономерное, существенное. Тем не менее, это не означает, что между чувственными данными и абстрактными теоретическими положениями всегда имеют место противоречия. Следует считать, что всегда имеется различие, несовпадение между ними, противоречие же возникает при определенных объективных условиях и на определенном уровне развития познания. Для правильного понимания характера этого противоречия и способов его разрешения необходимо постоянно иметь в виду, что существуют различные по своему характеру чувственные и рациональные данные и соответственно этому различные отношения между ними. Одни чувственные данные являются отражением объекта прямо, непосредственно воздействующего на органы чувств и вполне осознаваемого познающим субъектом. Так, ботаник обнаруживает какую-то новую разновидность растения и описывает чувственно воспринимаемые особенности этого растения. Последующее изучение данного растения с помощью специальных приборов, экспериментирование и т. п., несомненно, дает возможность обнаружить в нем новые свойства, не открывающиеся непосредственному чувственному восприятию, например особенности его клеточной структуры. Однако здесь теоретическое знание и чувственное представление о предмете в целом не расходятся, а лишь дополняют друг друга; здесь возможно лишь частичное противоречие между тем и другим, в виду чего теоретическое знание не только не является отрицанием чувственного знания о предмете, а, напротив, в известных пределах, включает его в себя. Известно, что такие науки, как география, биология, органически включают в себя множество данных непосредственного чувственного восприятия, которые являются не менее достоверными, чем теоретические выводы. Но существуют, как уже разъяснялось выше, и такие чувственные данные, которые не содержат в себе непосредственного отражения изучаемых явлений, поскольку последние не могут прямо воздействовать на наши органы чувств, не воспринимаются или же не осознаются в процессе чувственного отражения. В таких случаях чувственные восприятия человека отражают не самый предмет, а некоторые вызываемые им последствия, отношения, «следы». Так, некоторые ядовитые газы не обладают ни запахом, ни цветом, ни другими чувственно воспринимаемыми свойствами; наличие этих газов в атмосфере воспринимается человеком с помощью специальных приборов и реактивов или же по тем болезненным последствиям, которые они вызывают. Но, чтобы обнаружить присутствие этих газов по их влиянию на организм, необходимо, очевидно, заранее иметь

хотя бы примерное представление о характере этого явления.

Непосредственное восприятие движения Земли вокруг Солнца для наблюдателей, находящихся на Земле, невозможно. Непосредственно это движение Земли вокруг Солнца в силу относительности движения и вследствие того, что наблюдатель находится на Земле, воспринимается, как движение Солнца вокруг Земли. Налицо, следовательно, противоречие между чувственным представлением и научным знанием. Это противоречие было впервые раскрыто Коперником, который противопоставил геоцентрической системе (вполне согласующейся с непосредственным чувственным восприятием) гелиоцентрическую систему. Основываясь на учении Коперника и исходя из принципа относительности движения, наука впоследствии объяснила вышеуказанное противоречие, т. е. разрешила его, доказала объективную необходимость данного чувственного представления.

Было бы неправильно полагать, что гелиоцентрическая система противоречит принципам сенсуализма, поскольку она опровергает непосредственное чувственное восприятие. Коперник исходил из чувственно воспринимаемых фактов, из данных астрономических наблюдений, из повседневного чувственного опыта, показывающего, что, если мы, например, находимся на корабле, движущемся по отношению к другому, неподвижно стоящему кораблю, то именно этот последний корабль кажется находящимся в движении.

Шарообразная форма Земли также не воспринимается непосредственно чувственным образом. Не удивительно поэтому, что и в данном случае чувственное представление и теоретическое знание о действительной форме Земли противоречат друг другу. И все же теоретическое знание о форме Земли основывается на чувственных данных. А практическое доказательство шарообразности земли, представленное экспедицией Магеллана, также носило чувственный характер.

Явления общественной жизни, подобно явлениям природы, имеют источником своего познания чувственный опыт. Однако чувственное восприятие общественных явлений представляет собой более сложный процесс, чем чувственное отражение природы, поскольку материальные общественные отношения, хотя и проявляются, и воплощаются в вещах, сами по себе, конечно, невещественны. Возьмем для примера капитализм. Стоимость товара не является веществом, так как она не имеет ничего общего с его физическими, химическими свойствами, вследствие чего одну и ту же стоимость могут иметь такие различные вещи, как, например, вино и чугун, взятые в определенных количествах. Стоимость есть не вещь, а количество общественно-необходимого труда, затраченного на производство товара. Не удивительно

поэтому, что стоимость нельзя воспринимать непосредственным чувственным образом, т. е. видеть ее, осязать и т. д. Чувственное отражение стоимости и других общественных буржуазных отношений носит не непосредственный, а опосредованный характер: органами чувств воспринимаются определенные вещи, которые продаются и покупаются по определенной цене. Лишь теоретический анализ вскрывает в этих чувственно воспринимаемых фактах исторически сложившееся отношение стоимости, как продукта абстрактного труда, недоступного непосредственному чувственному восприятию. Чувственный опыт говорит, что цены товаров определяются спросом и предложением, и вульгарная политическая экономия не возвышается над этим повседневным чувственным представлением. Но экономическая наука доказывает, как это не противоречит непосредственным чувственным данным, что цены товаров являются выражением их стоимости, в виду чего колебание цен под влиянием спроса и предложения происходит вокруг стоимости. В. И. Ленин говорит по этому поводу, что стоимость, хотя она и лишена вещества чувственности, истиннее, чем закон спроса и предложения. «Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [1].

Известно, что вульгарная политическая экономия, занимающаяся не глубоким исследованием, а апологией капиталистического строя, ссылается в своих теоретических построениях на чувственные данные и действительно согласуется с этими данными, поскольку в них непосредственно отражается лишь видимость капиталистических производственных отношений. Вульгарные экономисты утверждают, что размер прибыли, получаемой капиталистами, зависит не от количества работающих на них пролетариев, а от величины авансированного ими капитала; следовательно, источником прибыли является не труд рабочих, а капитал. Размер ренты, по утверждению этих экономистов, обусловлен количеством и качеством земли, которая принадлежит ее собственнику. Что же касается заработной платы, то она, по учению вульгарных экономистов, соответствует количеству и качеству труда рабочего, а не стоимости средств существования, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Маркс в «Капитале» и других своих исследованиях гениально разоблачил «триединую формулу» вульгарной политической экономии, согласно которой капитал дает прибыль, земля — ренту, а труд—заработную плату. Маркс доказал, что прибыль, рента, заработная плата составляют определенные части стоимости, производимой рабочим классом. Стоимость рабочей силы со-

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146.

ставляет заработную плату, а остальная часть производимой пролетариями стоимости (прибавочная стоимость) распадается на прибыль, ренту, процент, стихийно распределяющиеся между капиталистами соответственно величине принадлежащего им капитала, земли и т. д. Маркс не только разоблачил чувственную видимость, дальше которой не желает идти вульгарный экономист, но и доказал неизбежность этой видимости в условиях капитализма, когда общественные отношения выступают на поверхности не как отношения людей, а как отношения вещей. В этой связи Маркс сформулировал одно из важнейших положений диалектико-материалистической теории отражения: если бы чувственное восприятие явлений и их сущность совпадали, никакая наука не была бы нужна. Это положение Маркса, обоснованное им главным образом в процессе экономического исследования, имеет величайшее значение и для наук о природе. Развитие геометрии показывает, что в этой области познания действительности противоречие между рациональным и чувственным отражением действительности обнаруживается на сравнительно высокой ступени развития геометрии, как науки. Геометрия Эвклида не противоречит чувственному восприятию свойств пространства, хотя, конечно, и не совпадает непосредственно с ним. Но неэвклидова геометрия (например, геометрия Лобачевского), являясь более точным, полным, глубоким отражением пространственных свойств, противоречит непосредственному восприятию пространства.

Итак, чувственное и рациональное отражения действительности никогда полностью не совпадают, непосредственно не согласуются друг с другом: между ними имеется существенное различие, перерастающее, при определенных условиях, в противоречие. Одной из важнейших задач науки является раскрытие этих различий и противоречий между чувственно данным и научными данными в каждой области исследования. Но наука обязана не только корректировать или опровергать чувственную видимость, но и раскрывать в ней проявление сущности, исследовать ее необходимость. Простое отбрасывание чувственных восприятий, порожденных видимостью, так же противоречит задачам науки, как и игнорирование того факта, что предметы на близком расстоянии кажутся больше, чем на далеком расстоянии, что палка, опущенная в воду, кажется сломанной и т. д. Это значит, что даже те чувственные восприятия, которые нас «обманывают» (поскольку мы принимаем отражение видимости за отражение сущности), также имеют познавательное значение и являются источником наших знаний о внешнем мире. Если домарксовские сенсуалисты не знали, как объяснить «обманчивые» чувственные восприятия, как согласовать их с принципом чувственного происхождения теоретических знаний, а

рационалисты просто отбрасывали эти чувственные данные и вместе с ними принципы сенсуализма, как якобы опровергаемые наличием «обманчивых» представлений, то диалектический материализм поднял сенсуалистическую теорию на качественно новую, высшую ступень, диалектически раскрыв отношение чувственного и рационального и тем самым научно разрешив вековой спор между сенсуалистами и рационалистами.

Говоря о том, что теоретические положения не могут и не должны согласоваться с чувственными данными, являющимися их источником, следует иметь в виду, что речь идет об ощущениях, восприятиях, представлениях, как первой, низшей ступени познания. Но это не относится к тем чувственным данным, которые являются данными практики. Нельзя требовать от теории, чтобы она согласовалась с ощущениями, но теория, если она правильно отражает действительность, в конечном итоге должна согласоваться с чувственными данными практики. Такими чувственными данными практики являются астрономические и микроскопические наблюдения, геодезические и топографические измерения, аэрофотосъемка и другие многочисленные научно-технические способы наблюдения, дающие более или менее точное отражение определенных свойств изучаемых явлений. Эти чувственные данные практики находятся в определенном отношении, с одной стороны, к непосредственным чувственным данным, полученным при прямом воздействии предметов на наши органы чувств, а с другой стороны, к теоретическим, научным данным, логически выведенным из определенных предпосылок. Совершенно очевидно, что данные экспериментального инструментального наблюдения и измерения отличаются от непосредственных чувственных данных; пределы различия между ними весьма широки, возможны между ними и противоречия. Между теоретическими данными и данными инструментального наблюдения и измерения также возможны различия, а при определенных условиях и противоречия. Но и в том и в другом случае чувственные данные практики являются проверкой непосредственных восприятий и теоретических положений, и последние должны согласоваться с ними, если обнаруженное расхождение не может быть объяснено несовершенством имеющихся научно-технических средств наблюдения и измерения.

Таким образом, требование домарксовского материализма о согласовании теоретического с чувственным, несостоятельное в целом, оправдывается в тех случаях, когда речь идет о чувственных данных практики. В этом, очевидно, гносеологические корни ошибки, допускавшейся метафизическими материалистами в данном вопросе.

Таковы многообразные отношения между чувственным и

рациональным знанием в процессе познания. Так ставит и решает диалектический материализм вопрос о диалектическом противоречии между чувственным и рациональным отражением действительности.

Заключение

Подводя итоги изложению учения диалектического материализма о чувственном и теоретическом отражении объективного мира, образующем две основные ступени процесса познания, следует вновь подчеркнуть, что общественная материальная практика является основой познания на всех его ступенях. Благодаря практике осуществляется также переход от чувственного отражения к теоретическому мышлению; практика же обеспечивает единство чувственного и рационального в процессе познания. Практика является, далее, критерием правильности познания, критерием истины. Однако этим роль практики в процессе познания не исчерпывается.

От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков, как указывает В. И. Ленин, действительный путь познания истины. Чувственное отражение действительности ограниченно в силу своей непосредственности; рациональное познание опосредованно и, следовательно, лишено непосредственной связи с действительностью — и в этом его недостаток. Ограниченность той и другой ступени познания может быть преодолена только практикой, поскольку она выступает *в итоге процесса познания,* как завершение этого процесса (конечно, в определенных, ограниченных пределах), как сознательная целесообразная деятельность, основанная на достижениях процесса познания, владеющая истиной и истину применяющая. Речь, следовательно, в данном случае идет не о всякой практике, а о той практической деятельности, которая становится возможной лишь благодаря науке и непосредственно основывается на данных науки. Именно об этой практике, завершающей в определенных пределах процесс познания тех или иных предметов или закономерностей, В. И. Ленин говорит: *«Практика выше (теоретического) познания,* ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»[1]. Таким образом, в практике осуществляется единство непосредственного и опосредованного знания.

Переход от теории к практике, практическое применение, претворение теории представляет собой высшую ступень практической и вместе с тем познавательной деятельности людей, поскольку этот процесс означает, во-первых, основан-

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 185.

ное на данных науки целесообразное преобразование действительности, во-вторых, проверку, уточнение, конкретизацию теории и, наконец, в-третьих, позволяет обнаружить новые факты, явления, закономерности, ранее оставшиеся неизвестными. В этом процессе, основной особенностью которого является единство науки (теории) и практики (материальной деятельности), происходит не только переход от одного знания к другому, более глубокому, но и превращение «вещи в себе» в «вещь для нас», необходимости «в себе» в необходимость «для нас», т. е. диалектическое превращение необходимости в свободу. Так, например, переход от теоретического изучения внутриатомной энергии к практическому ее использованию явился, несомненно, новым этапом и в познании внутриатомных закономерностей, и в преобразовании самой объективной действительности. Нет и не может быть такой теории, которая, будучи применена на практике, не обогащалась бы новым содержанием, не давала бы именно в ходе практического своего применения новых, более глубоких знаний о действительности. Каждому конструктору, архитектору хорошо известно, что претворение в жизнь той или иной конструкции или архитектурного проекта является вместе с тем и его улучшением, усовершенствованием. Но столь же бесспорно и то, что практическое применение, претворение объективно-правильного отражения действительности означает вместе с тем овладение определенными силами, закономерностями природы или общества. Здесь единство теории и практики достигает высшей ступени, благодаря чему обнаруживается, что это единство имеет решающее значение как для духовной, познавательной деятельности, так и для материальной, практической деятельности. Но именно поэтому (и это весьма важно вновь подчеркнуть) та практика, которая выступает как завершение определенного процесса познания, во всеоружии знания, существенно отличается от той практики, которая предшествует научному теоретическому исследованию предмета.

Люди изменяют природу и в тех случаях, когда они еще не имеют научного понимания ее законов: ведь материальное производство, как известно, осуществлялось и в первобытном обществе, где не было еще науки. Первобытный человек добывал огонь, не имея представления о законе превращения энергии. О такой, стихийно складывающейся практике нельзя, конечно, сказать, что она выше теоретического познания, т. е. науки. Практическая деятельность лишь тогда выше абстрактного теоретического знания, когда она основывается на нем, руководствуется наукой, освещает себе дорогу к достижению цели научной теорией и, следовательно, неотделима от нее.

Лишь благодаря соединению теории и практики возможно

не только познание законов природы, но и их сознательное, целесообразное практическое использование в интересах общества. Познавая законы природы, практически используя это знание, люди изменяют, преобразуют природу, овладевают ее стихийными силами, становятся сознательными властелинами над ними. Этот процесс познания и практического овладения необходимостью, законами природы, достижение господства над природой и есть, по учению диалектического материализма, свобода. Такая свобода, конечно, ничего не имеет общего с «абсолютной свободой», о которой говорят идеалисты и которой в действительности реально не существует. Свобода, с точки зрения диалектического материализма, не устраняет необходимости, закономерности, а, напротив, основывается на них. Человек, сочетая действия различных законов природы, противопоставляя действие одного закона другому, осуществляет свои, продиктованные самой необходимостью цели.

В нашем социалистическом обществе осуществляется невиданное по своим масштабам преобразование природы, которое стало возможно благодаря победе социализма, благодаря овладению объективными экономическими законами развития общества и означает познание этих законов, выяснение вытекающей из них объективной исторической необходимости, формулирование назревших задач, организацию всей практической работы на этой основе.

Итак, общественная практика играет решающую роль в процессе познания на всех его ступенях. И вместе с тем лишь благодаря научному пониманию мира общественная практика достигает высшей ступени своего развития. Только философия марксизма вскрыла действительное место практики в познании и положила практику в основу теории познания, исследовала взаимодействие между теорией и практикой, переход от практики к теории и от теории к практике. Единство теории и практики является коренным, необходимым условием, обеспечивающим научность теории и плодотворность практической деятельности. История Коммунистической партии Советского Союза, опыт социалистического строительства в СССР и странах народной демократии свидетельствуют о том, что единство научной теории и революционной практики является могущественным средством преобразования мира.

---

60 коп.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Принимается подписка

НА БРОШЮРЫ-ЛЕКЦИИ НА 1958 ГОД

ПЕРВАЯ СЕРИЯ — общественно-политическая — 40 брошюр-лекций по вопросам истории КПСС, истории СССР, всеобщей истории и военно-исторических знаний.

ВТОРАЯ СЕРИЯ — общественно-политическая — 40 брошюр-лекций по вопросам диалектического и исторического материализма, истории философии, государства и права, педагогики и научно-атеистических знаний

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ — в помощь экономическому образованию — 40 брошюр-лекций по вопросам политической экономии, экономики промышленности и сельского хозяйства.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕРИЯ — научно-техническая — 36 брошюр-лекций по вопросам техники, организации производства, истории технических открытий, изобретений, о передовом производственном опыте, о наиболее выдающихся работах в области науки и техники.

ПЯТАЯ СЕРИЯ — сельскохозяйственная — 32 брошюры-лекции о достижениях сельскохозяйственной науки, по вопросам сельскохозяйственного производства, об опыте новаторов и передовиков сельского хозяйства, механизации сельского хозяйства.

ШЕСТАЯ СЕРИЯ — литература и искусство — 24 брошюры-лекции по советской и русской классической литературе, литературе народов СССР и зарубежной литературе, по искусству и отдельным вопросам литературоведения, языкознания и эстетики.

СЕДЬМАЯ СЕРИЯ — вопросы международной жизни — 24 брошюры-лекции о внешней политике СССР, стран народной демократии, о внешней политике и внутреннем положении капиталистических государств, о современных международных отношениях, борьбе за мир и безопасность, о рабочем, демократическом и национально-освободительном движении.

ВОСЬМАЯ СЕРИЯ — естественно-научная — 52 брошюры: I выпуск — 24 брошюры по вопросам биологии, медицины и физической культуры; II выпуск — 28 брошюр по вопросам физики, химии, математики, астрономии, географии и геологии.

ДЕВЯТАЯ СЕРИЯ — молодежная — 12 брошюр о дружбе и товариществе, моральном облике молодого человека, советском патриотизме, истории комсомола, героизме молодежи в строительстве коммунизма.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Серия	Колич. лекций	Подписная цена	
		на год	на полгода
Первая	40	24 р.	12 р.
Вторая	40	24 р.	12 р.
Третья	40	24 р.	12 р.
Четвертая	36	21 р. 60 к.	10 р. 80 к.
Пятая	32	16 р.	8 р.
Шестая	24	12 р.	6 р.
Седьмая	24	14 р. 40 к.	7 р. 20 к.
Восьмая			
I выпуск	24	14 р. 40 к.	7 р. 20 к.
II выпуск	28	16 р. 80 к.	8 р. 40 к.
Девятая	12	7 р. 20 к.	3 р. 60 к.

Подписка принимается городскими и районными отделами «Союзпечать», конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках, заводах, в совхозах, колхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Издательство „ЗНАНИЕ"